«СЧАСТЬЕ ТОЛЬКО ЗНАЮЩИМ ДАНО»

Алексей Баталов сделал в объединении «Лад» телевизионную передачу «Благодарен судьбе», посвященную Паустовскому. Она составлена, по собственному признанию артиста, из каких-то слишком обыденных, слишком «домашних» воспоминаний о знакомстве Баталова с уже немолодым и большим Константином Георгиевичем, об их ялтинских разговорах, о долгих прогулках, когда Паустовский пересказывал молодому артисту свои давно напечатанные рассказы; о том, как Баталов начинал писать сценарий, а Паустовский внимательно, скрупулезно вчитывался в каждую строку, не обучая начинающего писателя-сценариста, а даруя некий высший урок.

Думаю, что в этой домашней уютности, с какой рассказывал о прошлых временах Алексей Баталов, в мелькавших время от времени photographиях — стареющего Паустовского и ослепительно-звездного, памятного до сей поры Алексея Баталова — и сокрыта главная прелесть, особое обаяние этой передачи. Они словно остаются в воздухе после окончания — чем-то тревожным, зыбким, почти неуловимым: стремлением разобраться в себе, попытаться что-то расставить по местам.

Константин Георгиевич Паустовский для нынешних молодых — почти пустой

звук. Я не уверена, что рассказы его входят в программы школ, гимназий, лицеев. Даже про институтские программы не могу сказать с уверенностью. А тем временем те, кто обучает ныне школьников и студентов, — росли на Паустовском, на «Повести о лесах», на «Корзине с еловыми шишками», на еще многих и многих пленительных по интонации, по языку пастельных рассказах. Я по сей день помню очарование строк Паустовского, его упоение природой, его восхищение русским языком, но... вряд ли когда-нибудь стану перечитывать его книги...

Не потому, что изменилось время, резко переломилось восприятие былого, в том числе и былых вкусов, и страстей. Не потому, что, получив возможность читать Бунина и упиваться им, я понимаю то, о чем не догадывалась ранее: кому наследовал Паустовский. Он ведь и сам никогда этого не скрывал!

Потому что есть те уголки отрочества и юности, которые должны жить в душе человека неприкосновенно — их нельзя терять, подвергая проверке днем и опытом нынешним. К таким уголкам для меня принадлежат Константин Паустовский и Александр Грин. Полагаю, что не для меня одной.

Говоря о Паустовском, пытаюсь обо-

значить неповторимость его как писателя и как личности одновременно, Алексей Баталов сделал замечательное наблюдение: Константину Георгиевичу было свойственно ощущение жизни как непрерывной новизны. Это очень точно. И это очень редко случается. Ощущение новизны каждого дня, каждого мига жизни — признак счастливого, юного, крепнущего, определяющегося сознания. Сохранить этот дар до старости почти никому не удается, а вот Паустовскому удалось — буквально каждая его строка дышит этим ощущением, этим упоением. Потому, наверное, так безошибочно «попадали» его рассказы в точки нашего мужания. Потому и ушли из нас, от нас, когда между реальностью взрослой жизни и предощущениями ее оказались ножницы.

Даже если одна лишь эта мысль содержалась бы в подтексте передачи Алексея Баталова, актера любимого, умного, в любой роли несущего в себе особый «интеллигентский» заряд, — наверное, и тем она оказалась бы интересной и содержательной. Но был в ней и еще один момент — важный, существенный.

Вспоминая о различных встречах и разговорах с Константином Георгиевичем, Баталов сказал: «При нем хотелось быть человеком...» Редкая характеристи-

ка. Может быть, для дня сегодняшнего во многом непонятная и даже смешная. И тем не менее.

Читая (и почти никогда не перечитывая) Паустовского, мы привыкли — и Баталов об этом сказал — воспринимать ту лирически-томительную ноту, что пронизывает его творчество. А было в прозе Паустовского и многое другое. В частности, мысли о необходимости сохранить и воспитать в себе человеческое достоинство — краеугольный камень личности.

Сегодня это понятие практически утрачено. Во всяком случае, как «предмет первой необходимости». Но для тех, кто хочет верить, что это — не навсегда; для тех, кто видит возрождение страны, традиций и прочего, что мы готовы на словах возродить хоть завтра, — по крайней мере, через поколение; для тех, кто еще сохранил в себе хоть каплю «слишком человеческого» — передача Алексея Баталова важна и нужна. Он говорит в своем телевизионном очерке-воспоминании о том, что необходимо помнить и знать. Потому что, если припомнить любимые Паустовским строки Бунина, «счастье только знающим дано». В том числе — и счастье обретения утраченного.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

Паустовский Константин
Георгиевич

Экран и сцена. - 1994. - 15-22 сент. (№ 32) - 44

15.9.94.